

— Жуков, Жуков во всем и виноват, начальник Генштаба. Он в ответе...

Меня, конечно же, распирало от желания задать тысячу вопросов. Но пока воздерживался, боязно было.

В середине разговора Сталин вдруг крикнул:

— Э-э! Кто там есть?

В дверях безмолвно вытянулся немолодой полковник.

— Скажи там кому надо, что завтра у товарища Сталина выходной.

— Есть сказать, что товарищ Сталин завтра выходной! — полковник лихо козырнул и исчез.

— На охоту завтра полетим. В Беловежскую пущу. Не бывал? Там еще зубры есть. Или как их теперь, зубробизоны называют...

Сталин походил, походил, сел, разлил вино.

— По последней, завтра рано вставать, — и опять крикнул: — Эй!

Вырос полковник. Сталин отдал распоряжение о самолете и чтоб разбудили не позже семи. Вдохнул.

— Плохо с писателями, плохо. Хороших пересажал, а новые — куда им до тех. Ну зачем, спрашивается, Бабеля сгноили? В угоду этой самой дубине усатой. Буденному? Обиделся, понимаешь, за свою Первую Конную. Оболгали, мол... А вот и не оболгали! — И вдруг без всякого перехода. — А может, подкрутить все же писателю? Дать команду Жданову... А?

Что же дальше будет, думаю.

А дальше, проснулся я посреди ночи, а он сидит у меня в ногах, в руках поллитра.

— Не спится, что-то, капитан. Мальчики кровавые в глазах. Решил к тебе зайти.

Я натянул штаны. Он был в полосатой пижаме, на локте заштопанной. Как Александр III, подумал я. Тот тоже любил все старенькое, ношеное. Витте в своих мемуарах вспоминает, как он сопровождал царя, когда был директором Юго-Западных железных дорог. Зашел ночью в царский вагон и с удивлением обнаружил государева денщика, старательно штопающего штаны самодержца.

литературы. Надеть на всех погоны, с лирой там или с гусиным пером. Собирается даже позвонить Фадееву, чтоб комиссию создал.

— Дождемся съезда какого-нибудь. Выступлю на нем, ох и благодарить будут. Как архитекторы. Когда я им мысль про высотные здания подсказал. Очень им эта идея понравилась, акцент, говорят, расставили. Гениальное решение, товарищ Сталин, говорят...

Он разлил водку по стаканам.

— Надо бы еще что-нибудь придумать. Ты вот, говорили мне, по образованию тоже архитектор. Помоги, дорогой. Метро есть, высотные здания будут. Что еще?

И прищелкнул вдруг пальцами.

— Блестящая идея. Выпьем за нее, за еще одно доказательство сталинской заботы.

Выпили. Не окосеет ли? Нет, держится. Могучий старик.

— Так вот, — начал он. — Знаешь, почему Дмитрий Самозванец в русские цари не годился? Нет, не знаешь. Умный ведь, образованный был, а вот есть две вещи, без которых русский не может. Поспать любит после обеда, да в баньку сходить. А Дмитрий ни в какую. И не спит, и в баню не ходит... А? Какой же это русский царь?

— Никакой, — согласился. — А вы, Иосиф Виссарионович, хдите?

— Куда? В Сандуновскую? Да что ты, она для народа, не для нас. Потому и в цари не пошел. Так вот, задумал я... Знаешь, как в Риме? Громадные такие бани, бассейны разные, фонтаны вокруг, а потом в специальных залах, тоже красивых, русалки там на потолках, Садко богатый гость, по кружечке пивца, попотеть, поговорить за жизнь. Народ наш доволен будет. Спасибо скажет товарищу Сталину, обо всем он заботится. И на душе легко, и тело чистое...

Очень ему понравилась эта затея. Поговорили еще о том, где их, эти термы, разместить, и остановились на острове, где Дом правительства, кинотеатр «Ударник». Потом вернулись опять к «царской» теме.

— Баня там или не баня, а народ наш кроме бани любит, чтобы у него и царь-батюшка был, — на лице его появилось некое мечтательное выражение. — Самодержец Всесоюзный. Неплохо звучит, а? Царь Польский — Берута побочку, наместником сделаем, — Великий Князь финляндский. — Па-а-сикиви тоже побочку, — Эмир бухарский, Хан казанский и крымский, Господарь молдавский, Гетман вся Украины. Вот приеду к вам в Киев, булаву вручать будете.

Он развеселился от этой мысли, встал, подошел к столу.

— Чару налей! Келех по вашему, по-хохлацки. За нового Гетмана выпьем! — он отхлебнул чуток. — Надо бы Никите позвонить, чтоб разыскал он эту самую булаву, Богдана Хмельницкого. Хранится же где-нибудь у них там.

Виктор НЕКРАСОВ

Работал трудогом - 1931-1934

...ВСЮ НОЧЬ «ГУДЕЛИ» ДО УТРА

Как Иосиф Сталин и сталинградец Виктор Некрасов обмывали Сталинскую премию

В жизни я никогда не охотился. Это всегда огорчало Ивана Сергеевича, страстного охотника, охотника-поэта.

«Единственное, что нас с вами разъединяет, — говорил он. — Будь вы охотником, мы бы с вами...» и никогда не договаривал... И вот, пожалуйста, первый раз в жизни в Беловежской пуще, и не с Иваном Сергеевичем... Никогда б не простил.

После второй бутылки «Мукузани» речь зашла о литературе, писателях.

— Все прохиндеи. Все! Как один. С этим пьяницей во главе, Фадеевым... Вот Платонов, то был писатель. Божьей милостью. Ругал я его, правда, было за что, но писать умел. Или Булгаков... Видал во МХАТе «Дни Турбиных»? Я раз десять, а то и больше...

Потроша папиросы, стал набивать трубку.

— Вот это офицеры были, м-да, настоящие офицеры. Все вокруг рушится, большевики прут, а они присяге не изменяют. Молодцы! Приятно смотреть... Спички есть?

Я подал коробок. Он закурил, сделал несколько затяжек.

— А тут окружен со всех сторон всякими там... Никому не веришь! За полушку продадут.

Он встал, прошелся по комнате. Она была большая и пустая. Обеденный стол, вокруг стулья. У стенки то ли диван, то ли тахта, то, что у нас в Киеве называлось «боженковская» — продукция мебельной фабрики имени Боженко. Над столом трехсотсвечевая лампочка под розовым абажуром, с бахромой.

Он посмотрел на меня долгим, испытующим взглядом, потом махнул рукой.

— Ладно, отбой вечера мудренее. Отбой.

Неторопливо, вразвалочку, направился к дверям. Взявшись за ручку, обернулся и сказал на прощание:

— А писатели наши — дерьмо! Не обижайся, но дерьмо...

И вышел.

В СЮ НОЧЬ я ворочался на неудобной узкой кушетке в полупустой комнате, куда меня привели два вежливых, молчаливых капитана. — Что бы это все могло значить? — думал я. — И как себя держать? Нельзя же все время молчать и поддакивать. Подумает еще, что трус или дурак. Но как его раскусить? Пока не получается. Может, когда больше выпьем? А вообще-то, молодец. Все ж под семьдесят, не тридцать шесть, как мне.

Опыта общения с тиранами у меня не было. Гитлер тоже, говорят, за столом был внимателен, общителен, ручки дамам целовал. Ильич кошечек поглаживал, говорил, что всю жизнь слушал бы «Апассионату». Правда, добавлял, что она его размягчает, хочется милые глупости говорить, по головкам гладить, а по ним надо бить, бить... «Адски трудное занятие». А этот? Вроде бы уютный дедушка, с юмором, над собой пошутить не прочь, но вот под конец, когда Жданова вспомнил, и потом, когда обернулся у дверей, уютного дедушки уже не было. А это, «за полушку продадут»?

Чуть ли не всю ночь проворочался, к чему-то прислушивался — тишина была гробовая.

«А они не любят нового. Посмотрите на их сапожки, каждый месяц новые подборы ставим».

Сталин подсел к столу у окна.

— Ну, давай, капитан.

— А из чего, товарищ Сталин? — оглядевшись, я не обнаружил стаканов. Сталин вроде даже смутился.

— Минуточку, сейчас придумаем, — и вышел.

Вскоре вернулся. С двумя гранеными стаканами и тарелочкой огурцов. — Хлеба вот нет. А старуху будить не хочется. Обойдемся?

ПЬЯНКА ЭТА, начавшаяся где-то часа в три ночи, затянулась на весь день. Охота почему-то была отменена. «А ну ее, пожалеем этих зубров. Сохраним поголовье. Хоть тут, да сохраним» и мрачно рассмеялся.

Пили водку, ели вяло, хотя старуха натаскала потом кучу всякой копчености, гризли, в основном, орешки.

— Закусывать надо, закусь, — ворчала она, злобно бросая на стол вилки и ножи. — Забалдеете, начнете гостя обижать. Смотрите, какая телятинка, во рту тает.

— Не учи, старая, сами знаем, ученые.

— Чему ученые? Людей сажать ученые, а пить не умеете.

Сталин попытался рассердиться, но не получилось.

— Ладно, старая, иди, не мешай.

Старуха, ворча, ушла.

И все пошло вроде как по маслу. Даже закусывать стали. Возникший опять разговор о писателях принял вдруг шутиливую окраску. Не ввести ли, мол, звания? Лит-майор, лит-полковник, генерал-литератор первого ранга, второго, третьего. Маршал